

ЭТИ ЗАМЕТКИ — о минувшем театральном сезоне в драматических театрах, о том новом, что вошло в нашу жизнь, о некоторых проблемах современного этапа развития советского театрального искусства, а сезоне начинающемся. А сезон предстоит особым: деятели культуры вместе со всем нашим народом готовятся отметить 60-летие Великого Октября.

Уже в минувшем сезоне репертуарные планы, новые работы театры поверяли предстоющим знаменательным юбилеем. Не станем перечислять те почти пятьдесят названий, что появились на ленинградской афише. Отметим сначала новые имена драматургов, а их в завершившемся сезоне в отличие от предыдущих немало: Алла Соколова, Валерий Агравоский, Александр Белый, Александр Гетман, Анна Родионова. Сценическое прочтение получили произведения таких известных кинодраматургов и режиссеров, как Витаутас Жалакявичус и Даниил Храбровицкий. Можно считать, что с авторами нам в минувшем сезоне повезло. Само появление новых имен в драматургии, учитывая, что основные профессии некоторых из дебютантов ныне — актриса, журналист, режиссер, — событие примечательное. Не все еще секреты драматургического письма освоены ими (да и можно ли их все освоить?), но в своих пьесах принесли они на сцену дыхание жизни, в новых ракурсах позволили нам взглянуть на, казалось бы, знакомые прежде ситуации. И, конечно же, появление новых имен в драматургии — свидетельство интересного поиска нашими театрами новых тем и характеров, новых авторских индивидуальностей. Жаль только, что сезон не дозрел пока нас ни с одной такой индивидуальностью в области режиссуры, сценогра-

**ВРЕМЯ.
ХУДОЖНИК.
ТВОРЧЕСТВО**

СЕЗОН ОКОНЧЕН — СЕЗОН НАЧИНАЕТСЯ

1. ПОИСК И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

фии, а такого знакомства мы ждем уже не один год. Но об этом нужен разговор особый. Мы же говорим о том, чему свидетелями стали.

Под занавес сезона Академический Большой драматический театр имени М. Горького показал инсценировку романа Михаила Шолохова «Тихий Дон». Этому спектаклю ленинградские критики, литературоведы дадут еще подробный и восторженный анализ. Мы поделимся лишь самыми первыми впечатлениями.

В предельно сжатое сценическое время театр сумел воссоздать главные коллизии романа, нашел решение, которое позволило избежать адаптированного, как бывало до сих пор, изложения «Тихого Дона», и предложить адекватное срязигвалу по своей гражданственности, страстности, человеческой боли решение. Эмоциональное потрясение, которое испытывался при последнем разговоре Григория Мелехова — Осга Григориса с Михаилом Кошевым — Юрием Демичем, при расстреле отряда Подтелкова, в сценах Мелехова с Аксиньей — Светланой Крючковой, — такое возможно только в театре. И если эти эпизоды становятся характером для героев, то — вот оно, чудо сезоны, — становится катарсисом и для тех. Решения Георгием Товстоноговым спектакля в совмещенных

временных планах — решение дерзкое, отважное, вероятно, не бесспорное, но каким емким, исторически достоверным и психологически обстоятельным предстало оно перед зрителем.

Недавно Большой драматический представил свои спектакли на суд московского зрителя. Этот экзамен еще предстоит выдержать нашему ТЮЗу, а Театр имени Ленинского имени сдал. И сдал успешно.

Первым номером, как говорится, прошло на гастролях «Интервью в Буэнос-Айресе». Спектакль по пьесе Генрика Воровика с новой силой выявил мастерство Игоря Владимировича, который, почти двадцать лет успешно отдавая свои силы режиссуре, педагогике, кинематографу, вновь выступил как актер театральный. Неожиданными подчас гранями высветил театр в этом спектакле дарование Алисы Фрейндлих, Михаила Воарского, Анатолия Фаякиловича, Галины Инкуминой.

Через несколько месяцев после премьеры «Интервью в Буэнос-Айресе» другой коллектив — Театр имени Ленинского комсомола показал спектакль «Кентавры», поставленный Геннадием Олжовичем по пьесоварианту В. Жалкявичуса. В сложном и многоплановом сочинении драматурга жонглирует адрес действия,

как в пьесе Г. Воровика, пет, хотя вся его фактура пронизана, пропитана чилийской трагедией. Режиссер вместе с автором оформления А. Янохпудосом строит спектакль строго, лаконично, внутренне насыщено, стремится быть верной драматургу, обобщающей его точки зрения: дело не в географической точности определения места действия, а в самом факте, что такие события еще возможны на земле — возможны фашистские перевороты, уничтожение человека человеком, возможна свобода от каких бы то ни было нравственных, этических норм. Страстно и вызовованно бежит рассказ не столько о личных судьбах Президента и его сподвижников, сколько о судьбе страны дебиторирующей в Латинской Америке. Николай Маруфов и Виктор Ростовец, ведут его в ансамбле с молодыми коллегами Эрой Зиганшиной и Романом Громовским.

Оба эти спектакля — «Интервью в Буэнос-Айресе» и «Кентавры» ярко представили в ленинградской афише тему интернациональную, тему антифашистскую. Они как бы врывались в эстафету постановок «Городов Франции», «Карьеры Аугуло Ун», приняла с той гражданской ответственностью, бескомпромиссностью и явной индивидуальностью, что определило звучание новых спектаклей.

Если несколько лет назад мы говорили о том, что наши театры все чаще обращаются к произведениям прозы и с разной мерой удали воплощают их, то теперь приходится отметить, что театры все чаще обращаются к киносценариям. Судите сами: «Человек со стороны», «Протокол одного заседания», «Из жизни деловой женщины» впервые появились на сцене и во многом обогатили наше театральное искусство.

Закономерно, что с особым интересом отнеслись мы к спектаклю Академического театра драмы имени А. С. Пушкина «Пока бьется сердце» по сценарию Д. Храбровицкого, воплощенному в кинематографе под названием «Повесть о человеческом сердце».

Не секрет, что особого зрительского успеха фильм не имел. Тем большую смелость проявил театр, приняв к постановке пьесу, сохранившую некоторые недостатки сценария — фальшивый мелодрамматизм, ложную многозначительность, надеясь, что возможности театра позволят их преодолеть.

С виртуозной легкостью преодолевает эти просчеты Василий Меркурьев, в игре которого — неуваждаемая жизнелюбивая сила, природный юмор, неподдающийся годам и болезням его Бурцева оптимистический

звонор. Незаурядное мастерство, душевная чуткость Ирины Мамасовой позволяют ей присей скудности драматургического материала создать пленяющий своей человечностью, добротой, взаимопониманием образ и повести о не очень-то сложившейся женской судьбе беззащитной помещицы Бурцева.

И если недостаток драматургии успешно преодолевает исполнитель главной роли, являющийся и постановщиком спектакля Игорь Горбачев, в тере которого — словно ретроспекция прошлых его ролей — Ведерников, Устищенко (суть не в профессии, хотя и она немаловажна, но и в характерах этих героев, их энергичности, настойчивости, неуступчивости), то зрительские взаимоотношения с другими персонажами складываются труднее. Некоторые исполнители так и остались в отведенных им драматургией узких «служебных» рамках, а иным не хватило профессионального мастерства.

Обобщающее же сценографическое решение (поднимающиеся вверх ряды аудитория в клиннике, белые стены, белые холаты, багряные листья и разноцветные зонтики) не всегда позволяет вести сокровенный разговор героев, который задан драматургией, и мало помогает режиссуре в ее стремлении придать постановке характер диспута, публицистического раздумья.

При всех недостатках воплощения сценария, театр никак нельзя упрекнуть во вторичности прочтения, но при всем том хочется надеяться, что все более активно устанавливающиеся отношения между собственным драматургией и кинодраматургией станут добрым свидетельством плодотворности такого взаимоприближения искусства.

Б. ТРИГОРЬЕВ
(Продолжения следует)